

Смешной детектив

**Елена
Логунова**

Брошки с Блошки

Елена Ивановна Логунова
Брошки с Блошки
Серия «Елена и Ирка», книга 22
Серия «Смешные детективы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68261012
Брошки с Блошки: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-174767-1

Аннотация

Тележурналистка Лена и ее боевая подруга Ирка проводят лето в Петербурге у Лениной тетушки Ираиды в странной двухэтажной квартире. У тети есть роскошный кот Волька – всеобщий любимец, которого тетя, большая любительница антиквариата, украсила новым блестящим ошейником. Но план осмотра достопримечательностей оказался сорван: кто-то напал на старинную подругу тети Ираиды, у нее выхватили сумочку и украли деньги. А потом нападению подверглась и сама тетушка! Что ж, дворцы, музеи, мосты и белые ночи подождут, ведь отважные искательницы приключений ни за что не оставят эту криминальную загадку нераскрытой!

Смешные детективы Елены Логуновой – это увлекательные интриги, веселые приключения и блестящий авторский юмор. Ее

героини легко и изящно распутывают хитроумные преступления, всегда оставаясь самыми обаятельными и привлекательными!

Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	26
Глава третья	64
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Елена Логунова

Брошки с Блошки

© Логунова Е.И., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Смешной детектив

В компании с ироническими детективами Елены Логуновой всегда весело!

Джип из тыквы
Закон вселенской подлости
Синяя курица счастья

**Читайте о похождениях тележурналистки Елены
и ее боевой подруги Ирки,
способной справиться с любым злодеем:**

Принц в неглиже	Кукиш с икоркой
Везет как рыжей!	Брак со стихийным бедствием
Конкурс киллеров	Любовные игры по Интернету
Кляча в белых тапочках	Стрела гламура
Секретная миссия Пиковой дамы	Афродита размера XXL
Звезда курятника	Шопинг с Санта-Клаусом
Снегурка быстрой заморозки	Последний путь под венец
Коктейль из развесистой клюквы	Наследница Шахерезады
Красота спасет мьыр	Боты для ночного эльфа
Гарем «Все включено»	Помеха справа
Цыганочка без выхода	Брошки с Блошки

**Наслаждайтесь приключениями
потомственной авантюристки Индии Кузнецовой:**

Суперклей для разбитого сердца	На сеновал с Зевсом
Дефиле озорных толстушек	Рука и сердце Кинг-Конга
Шоу секс-символов	Декамерон по-русски
Молилась ли ты на ночь?	Ванна с шампанским
Банда ответных дизайнеров	Кактус Нострадамуса
Статуя сексуальной свободы	Свидание на пороховой бочке
Спокойно, Маша, я Дубровский!	Шерше ля фарш
Руссо туристо, облик морале	Собаچه танго
	Принцесса без башни

**Непринужденно и весело
решайте детективные головоломки вместе
с Тяпой Ивановой:**

Хижина тети Томи	Напиток мексиканских богов
Круговорот парней в природе	12 невест миллионера

**Распутывайте хитроумные загадки
с отважной учительницей Олей Романчиковой:**

Фотосессия в жанре ню	В костюме голы королевы
Бонд, мисс Бонд!	

**Хочите над уморительными приключениями
Алисы Пеструхиной:**

Купидон с жареным луком
Мухи творчества

**Люся Суворова и ее верный адъютант Петрик
сражаются со скукой и несправедливостью:**

Брачный вопрос ребром
Семь футов под килькой
Любовь и птеродактили

Елена Логунова

Брошки с Блошки

Москва
2022

Глава первая

– Елена! – донеслось снизу.

– Итс ми, – пробормотала я, колотя по клавиатуре в темпе, соответствующем стремительному развитию сюжета. – Ай эм Элена, йес...

Мой ГГ, что в переводе на нормальный язык означает «главный герой», вплотную приблизился к финалу и уже набирал в широкую грудь воздуха, чтобы на прекрасном – не как у меня – английском произнести свое знаменитое: «Встретимся в следующей жизни, беби!»

Да, вот такой он, мой ГГ. Пафосный любитель банальщины.

– Елена, спустись ко мне, пожалуйста, если тебе не очень трудно. – Голос тети Иды сделался язвительным.

Мне, конечно же, нетрудно к ней спуститься. Во всяком случае, гораздо легче, чем ей ко мне подняться. Возраст 80+ и артритные суставы не располагают к штурму крутой высокой лестницы, а я-то почти вдвое моложе, я еще и по перилам съехать могу.

Ступенька лестницы скрипнула.

– Иду, иду! – прокричала я, испугавшись, что тетя Ида все-таки решится на опасное восхождение. – Встретимся позже, беби, – это я сказала уже своему ГГ, вынужденно оставляя его на произвол судьбы.

Впрочем, ничего с ним в мое отсутствие не случится. За это моя авторская душенька спокойна.

Я закрыла ноутбук, дробно пересчитала ногами два десятка степенек, сбежав на этаж ниже, и доложились:

– Рядовой Логунова по вашему приказанию прибыла!

Вообще-то я не рядовой, а целый младший сержант – давным-давно получила это воинское звание вместе с дипломом филолога. Довольно странный комплект, но это факт: в университете у нас была военная кафедра.

Однако рядом с тетушкой лычками козырять бессмысленно, она-то минимум полковник, если вообще не генерал. Наша Ираида Львовна совсем не простая старушка – она много лет командовала конструкторским бюро, где проектировали подводные лодки. Подробностей я не знаю, но чем-то очень серьезным занималась тетя Ида, раз выезжать из страны ей разрешили только несколько лет назад, аккурат под восьмидесятилетний юбилей.

– Я не приказывала, а вежливо попросила. – Тетушка приподняла ниточки бровей и плавно повела рукой, предлагая мне присесть.

Стул она загодя выдвинула и развернула так, чтобы с него открылся лучший вид на середину комнаты. Я поняла, что сейчас состоится очередная презентация, подавила вздох и заняла отведенное мне место восторженного зрителя.

Тетя Ида важно просеменила на условную сцену, встала под люстрой, жестом фокусника извлекла из рукава ка-

кую-то блестящую штуку и осторожно потрясла ею в воздухе, добиваясь эффекта непрерывного слепящего сияния. Грамотно занятая ею позиция под люстрой а-ля Эрмитаж этому очень способствовала.

Я послушно прижмурилась и восхищенно воскликнула:

– Ух ты!

– И это все, что ты можешь сказать? – не удовлетворилась тетя Ида.

– Роскошная штука! – добавила я восторга. – Шик, блеск, красота! А что это?

– А ты не видишь? – Тетушка решила потянуть, поинтриговать.

И я бы ей подыграла, конечно, но у меня наверху в макбуке ГГ замер в дико неловкой позе – с полной грудью воздуха, уже открытым для финальной фразы ртом и наведенным на цель пистолетом. А я же не мучительница какая-то, я добрый автор и желаю максимально приблизить хеппи-энд.

И момент получения мною заслуженного гонорара.

Поэтому я поторопилась спросить:

– Это новый ошейник для Вольки?

Волька – любимый четвероногий друг тети Иды, здоровый серо-полосатый зверь хулиганской наружности.

Волькой кот назван не потому, что своеволен и свободолюбив, хотя он именно таков. Это сокращенное на старинный манер человеческое имя Владимир: тетя Ида считает, что ее кот – вылитый поэт Маяковский.

И она права, какое-то сходство угадывается: тяжелый взгляд исподлобья, полосы на лбу подобием растрепанной черной челки... Волька – зверь роскошный и весьма харизматичный.

Хотя гламурный ошейник ему, конечно, не пойдет – не впишется в образ. Я, очевидно, ошиблась с предположением о назначении сверкающей штуки.

Сдвоенное фырканье, изданное одновременно котом и его хозяйкой, подтвердило, что моя версия неверна: мне представили вовсе не обновку для Вольки Владимировича.

– Это браслет, Елена! – Тетя Ида выступила на авансцену, чтобы настойчиво потрясти своей добычей перед самым моим носом.

– С Блошки, – уверенно предположила я.

Тетя Ира обожает блошинные рынки, знает в славном Питере все места, где периодически возникают развалы с милым ее сердцу хламом, и обходит их дозором регулярнее, чем Мороз-воевода – свои зимние владения. В любое время года выдвигается на тихую охоту и неизменно возвращается с добычей.

Потому-то тетина квартира больше похожа на захламленный музей, чем на комфортное человеческое жилище. У нас даже в санузле линогравюры на стенах и фарфоровые статуэтки на полочках! Мне это кажется весьма забавным – сидеть на унитазе с видом на целую толпу пастушек, балерин и собачек. На самом нижнем ярусе, кстати, помещаются фи-

гурки кошечек – это чтобы и Волька, пребывая в своем кошачьем клозете, заодно приобщался к прекрасному.

То есть это я так думаю. Тетя Ида ни мне, ни коту свой художественный замысел не поясняла.

– А вот и не с Блошки, не с Блошки! – Тетушка обрадовалась, что я не угадала. Ей нравится быть оригинальной и непредсказуемой. – Это мне Марфинька подарила! Винтаж, между прочим, и недешевый: серебро 875-й пробы со звездой и натуральный горный хрусталь!

– Супер. А вы чем отдарились? – Я не усомнилась, что по факту имел место какой-то бартер.

Марфинька, она же Марфа Ивановна, стародавняя знакомая Ираиды Львовны – из разряда заклятых подруг. В розовой юности эти барышни из благородных семейств кавалеров друг у друга отбивали, а на закате жизни истово соревнуются в богоугодных делах: у кого куличи на Пасху выше поднимутся да кто поболе облагодетельствует ближнего своего. Если Марфинька преподнесла Идочке ценный подарок, то наверняка получила симметричный ответ.

– А я ей – ту мраморную плакетку с серебряной с позолотой медалью Руффони, которую купила за восемнадцать евро на Блошке в Ницце.

– Которую Волька уже три раза с полки сбрасывал?

Кот, в отличие от хозяйки, не великий ценитель прекрасного. Как-то он нещадно подрал когтями картину маслом, о которой тетя Ида говорила, что это «убедительное подра-

жание французским импрессионистам», а однажды расколо- тил надтреснутую тарелку Императорского завода с царским вензелем. Мраморную плакетку, по форме похожую на миниатюрную гладильную доску, Волька то ли сильно невзлюбил, то ли, наоборот, не мог обойти вниманием и постоянно распускал лапы, норовя смахнуть ее с полки на пол.

– У Марфиньки нет кота, плакетке ничего не грозит. – Тетушка подтвердила, что медаль работы Руффони нас покинула из-за Вольки.

Вспомнив о питомце, она заозиралась:

– Воленька, дружочек, а иди-ка сюда! Может, и в самом деле это будет тебе парадный ошейник, браслет ведь на очень широкую руку...

Смекнув, что сейчас начнется битва титанов – тетушка настойчиво станет украшать кота высокопробным серебром с хрусталем, а Волька будет яростно возмущаться и сопротивляться, – я поспешила откланяться. О ходе сражения его участники все равно проинформируют меня выразительными воплями, но обязательно мне при этом присутствовать.

У меня же ГГ застрял на последней странице романа, которого трепетно ждут и издатели, и читатели. И сам Питер Блейк-Воронцофф, чтоб его приподняло и шлепнуло, как ту многострадальную плакетку, подбитую кошачьей лапой.

Этого самого Питера Блейка я откровенно недолюбливаю. Ему это, грубо говоря, по барабану: у Питера такая армия фанатов, что мой невысказанный одинокий протест бесслед-

но тонет в потоке комплиментов и восторженных отзывов. Мистер Блейк-Воронцофф – весьма популярный американский писатель русского происхождения, автор серии бестселлеров об агенте под прикрытием, специализирующемся на Восточной Европе.

И вот, собственно, причина, почему я без пиетета отношусь к этому Питеру Блейку: романы за него сочиняю я.

И платят мне за них мнооооооо меньше, чем ему. А в выходных данных мое скромное имя вообще не указывают.

В общем, вы поняли: я бедный, беспощадно эксплуатируемый литературный негр. Жертва колониальной политики крупного заокеанского издательства и лично наглого Питера.

Тут я, конечно же, немного лукавлю, потому как условия сотрудничества со мной детально оговаривали, и я прекрасно понимала, на что шла. Я только не знала, что однажды так сильно устану от нашего с Блейком ГГ, что продолжать сосуществовать мы не сможем. Или я, или этот ГГ – один из нас должен будет уйти! Если не в мир иной, то из проекта – точно.

Попытки к бегству я совершала уже неоднократно, но до сих пор они не имели успеха. Сама виновата: не надо было сдаваться, малодушно соглашаясь на несколько улучшенные в материальном плане условия.

Но не все жирному американскому коту масленица! Теперь я твердо решила: заканчиваю очередной роман – и на

этом финита ля мое литературное рабство! Хватит с меня, пусть теперь Блейк-Воронцофф, объявленный восторженными критиками чуть ли не гением, собственноручно строит бестселлеры!

Не подумайте, однако, что я собралась коварно подвести Блейка, он же Воронцофф, поставив его перед фактом. Нет, я его заранее предупредила! Прежде чем взяться за последний роман, честно уведомила нанимателя, что это будет моя лебединая песня в качестве и. о. Питера. И теперь с не меньшим нетерпением, чем мой ГГ, дожидаюсь момента, когда сама уже смогу произнести, адресуясь к американскому коллеге: «Встретимся в следующей жизни, детка!»

Может, в очередной реинкарнации уже не я, а сам Блейк-Воронцофф будет заниматься литературной поденщиной и строчить романы под чужое имя ради кусочка хлебушка с маслом...

Тут мое обоняние уловило доносящийся снизу запах чего-то вкусенького. Так, надо заканчивать финальную сцену...

Я занесла руки над клавиатурой, готовясь исполнить последний аккорд, но не успел наш с Питером злосчастный ГГ взвести курок, как затрезвонил мой мобильный.

– Есть минутка? – вкрадчиво спросила Ирка.

Я подавила тяжкий вздох, виновато покосилась на экран макбука с недописанным финальным абзацем и кротко ответствовала в трубку:

– Конечно. Слушаю, читай!

Таким взволнованным голосом с придыханием моя лучшая подруга разговаривает со мной лишь тогда, когда намеревается озвучить очередное сочиненное ею стихотворение.

Увы мне, Ирка несколько лет назад решительно подалась в поэтессы и упорно не желает покидать скользкую стезю рифмоплетства, несмотря на то, что ее никто нигде не печатает. Да и слушаю ее только я одна, и то не из любви к искусству, а по долгу дружбы.

– Вот, послушай, родилось у меня только что. – Обрадованная подруга откашлялась и с легким завыванием продекламировала:

Большая машинка
Бетономешалка
Рычалка, гуделка
И быстробежалка.
В пути обгонялка
Другие машинки –
Бетономешалка
На стройку спешилка!

– А ничего, неплохо, – задумчиво проговорила я, выдержав подобающую паузу – чтобы поэтеса не подумала, что я без должной серьезности подошла к литературному анализу ее шедевра. – Кажется, на этот раз ты даже обошлась без плагиата. Вроде Чуковский и Барто о бетономешалках не писа-

ли...

– Это потому, что у них башибузуков не было, – сказала Ирка голосом почтальона Печкина, признающегося, что он раньше был злым из-за отсутствия у него велосипеда. – А Масыне и Манюне про машинки всегда интересно.

Башибузуки, они же Масыня и Манюня, – это Иркины восьмилетние близнецы. Конечно, им интересны машинки – они сами две неутомимо действующие модели вечного двигателя.

– Как вы там? – поспешила спросить я, надеясь, что любящая мать переключится на рассказ о своих ненаглядных детках и не станет продолжать поэтические чтения.

Сработало!

– Ну, как... Вчера стянули мой французский лак для ногтей и усиленно улучшали экстерьер кота. Тот потом долго грыз когти и плевался с непередаваемым отвращением... То есть все нормально у нас. А у вас? Когда ключи дадут, не сказали?

– На днях. – Я пожалала плечами. – Ждем-пождем...

– Что за «на днях», что за «ждем-пождем»? – рассердилась подруга. – Мы с тобой как договорились? Узнаешь точно, когда дадут ключи, сразу мне позвонишь, и я примчусь!

– Да позвоню, позвоню.

– Что за «позвоню-позвоню»? Ты не понимаешь, как это важно – грамотно принять квартиру у застройщика? Нет, ты не понимаешь. Да ты хоть знаешь, с какими жуткими недо-

делками и огрехами сдают квартиры в пречистовой отделке?!

– Ира, я не стану принимать квартиру без тебя, обещаю! – клятвенно заверила я разгорячившуюся подругу. – В конце концов, это не в моих интересах.

– Ну то-то. – Ирка успокоилась. – А...

– Файф-о-клок! – покричала снизу тетя Ида и позвонила в колокольчик – бронзовый, тоже с блошиного рынка.

Тетушка всеми силами пытается привить мне благородные манеры. Не всегда получается – боюсь, я уже слишком взрослая и самостоятельная, чтобы на меня можно было результативно влиять, – но традицию пятичасового чаепития я принимаю безропотно и даже с благодарностью.

А почему нет? К полднику меня еще в детском саду учили, и то, что эта уютная трапеза сдвинулась на часок и стала называться на аглицкий манер, вовсе не повод от нее отказываться.

Тем более к пятичасовому чаю тетя Ида имеет обыкновение подавать восхитительные сладкие гренки. И ведь делает их из каких-то черствых булок, а получается невозможная вкуснятина, вот как так?

Маленькой девочкой тетушка пережила блокаду и сохранила такое уважительное отношение к хлебу, которое даже в нынешние сытые времена не позволяет ей выбросить и крошку. Я не преувеличиваю, она действительно собирает в специальную баночку сухарики, корочки и даже обрезки из-

под хлебного ножа, чтобы потом соорудить подобие запеканки или чизкейка. И получается вкусно!

– Все, Ирусик, меня тетя зовет, пока-пока! – Я торопливо распрощалась с подружкой.

Колокольчик задрезжал укоризненно.

– Бегу, бегу! – отозвалась я, спешно спускаясь из своих горних высей.

Наше с тетей жилище весьма необычно. Небольшая квартирка в старом доме на Петроградке хитро скроена из двух комнат, расположенных на разных этажах.

Судя по тому, что попасть к нам можно только по черной лестнице, а не из парадного подъезда, в свое время это были скромные помещения для прислуги. Уже в наше время кто-то ушлый сумел их объединить и, оставив одну наружную дверь в нижней части, связал уровни узкой и крутой деревянной лестницей. Наверху живу я, внизу – тетя Ида. Моя комната почти вдвое больше, зато у тетушки рядом санузел, микроприхожка и символическая кухня.

Выглянув в проем и не увидев строгую старушку у основания лестницы, я все-таки скатилась по перилам, с разгону влетела на тетину территорию и в последний момент затормозила, чтобы не сбить уже выдвинутый для меня стул (венский, винтажный, конечно же, с Блошки). На втором таком же чинно восседала, дожидаясь меня, тетушка. На третьем, обернув лапы пушистым хвостом, мохнатой пирамидкой высился Волька.

Выражение морды кот имел самое брюзгливое. Он не любит, когда кто-то опаздывает к трапезе.

Хотя, казалось бы, ему-то какая разница? Он не пьет чай и не ест гренки. И вообще, тетя Ида сервирует ему отдельно, на полу: кошачий сервиз – блюдце и миска лиможского фарфора – традиционно помещается в углу за холодильником.

– Прошу. – Тетушка указала мне на стул и благосклонно проследила, как я укрываю колени крахмальной салфеткой и беру в руки приборы.

В блокаду она осталась сиротой, попала в детский дом и вместе с другими малышами была вывезена в эвакуацию. И там, где-то в сельской глуши, воспитатели и няни сервировали малышам скромный стол по всем правилам хорошего тона, неукоснительно требуя от детей умения пользоваться столовыми приборами. Еда без ножа и вилки для тети – табу. В ее присутствии я даже яблоко чищу, режу и ем по кусочкам, хотя предпочла бы его с хрустом сгрызть.

– Как продвигается твоя работа над книгой?

За столом у нас положено вести легкую необременительную беседу.

– Не так быстро, как хотелось бы, – ответила я, переключаясь на свою тарелку румяную гренку, притрушенную сахарной пудрой и украшенную ягодами голубики. – Все время что-то меша...

Д-р-р-р-р-р! – протрещал телефонный аппарат – винтажный, проданный на блошином рынке не иначе как правнука-

ми барышни-телефонистки Смольного. Той самой, которая лично с Лениным соединяла.

– Прощу меня простить. – Тетя промокнула губы салфеткой, встала и проследовала к круглому столику, на котором в тени раскидистого фикуса помещается раритетный телефон. – Ираида Сокольская, слушаю вас...

Пользуясь тем, что тетя повернулась ко мне спиной, я моментально расправилась с гренкой, залпом выпила чай и ловко, чтобы мебель не скрипнула, вывинтившись из-за стола, отступила к лестнице.

Сколько можно издеваться над несчастным ГГ, пора отпустить его на покой.

Тут я вдруг подумала, что допустила промашку: надо было в финале вовсе упокоить героя, тогда бы мне точно не пришлось писать продолжение!

Так, так, так...

Прокрадываясь к лестнице, я на ходу лихорадочно сообщала.

Убить ГГ, какая прекрасная мысль, как же я раньше до этого не додумалась! Главное, сделать это так, чтобы он, упокоенный, никоим образом не подлежал восстановлению. А то беспринципный американский издатель в погоне за прибылью не затруднится поднять ГГ из гроба, объяснив это чудо успехами современной заокеанской медицины.

На кусочки бы его как-то, что ли... Или вообще в мелкий фарш...

Мои кровожадные мысли прервал негромкий вскрик тетушки.

Я мигом вернулась на исходную позицию, но оказалось, что тетя Ида шокирована вовсе не моим бегством из-за стола.

– Какой ужас! – сказала она, опустив на рычаг увесистую кривульку старинной телефонной трубки. – Марфинька стала жертвой грабителя, ты представляешь?

– Ма? – недоверчиво переспросил Волька.

«Марфинька? Да кому она нужна?» – так прозвучала бы кошачья фраза в развернутом виде.

– Да-да, я не шучу. Какие шутки, когда Марфинька в больницу попала! У бедняжки сотрясение мозга!

– Мо? – опять усомнился кот.

И снова я безошибочно поняла, что он хотел сказать:

«Мозга – у Марфиньки?»

Во всех смыслах старая подружка тети Иры страдает деменцией. Возрастная болезнь мешает ей, в частности, запоминать имена разных второстепенных персонажей, и нашего кота она почему-то упорно называет Мурзиком. Вольку это оскорбляет до глубины его кошачьей души. Стоит Марфиньке возникнуть на нашем пороге, как он разворачивается и удаляется куда подальше, нещадно хлеща себя по бокам пушистым хвостом.

– Но что случилось? – Я выдвинула стул и помогла разволновавшейся тетушке присесть. – Что за грабитель и где

он на нее напал?

– В ее собственном подъезде, ты представляешь? Забежал следом за Марфинькой с улицы, толкнул ее, она ударилась головой о почтовый ящик и упала. А он схватил ее сумочку и удрал! Повезло еще, что на шум вышла соседка с первого этажа, она и вызывала скорую.

– На какой шум? – не поняла я. – Марфинька успела позвать на помощь?

– Нет, но я же тебе сказала – она ударилась головой о почтовый ящик, а он пустой, просторный и железный, загремел, как ведро! Соседка выскочила, видит – Марфинька лежит...

– А грабителя она не увидела?

– Нет, к сожалению. Но сумочку, которую он унес, нашли в ближайшей урне. Негодяй забрал только наличные из кошелька.

– А я вам с Марфинькой говорила: пользуйтесь картами, целее будут ваши денежки! – напомнила я.

– Думаешь, если бы у Марфиньки в сумочке были карты, а не деньги, это уберегло бы ее от налетчика? – съязвила тетушка. – Ну, может быть, если бы она загодя крупными буквами на лбу написала: «Не трудитесь меня грабить, я не располагаю наличными».

– Резонно, – пробормотала я. – И что теперь? Налетчика будут искать?

– Кто? И как? Поди найди того, кого никто не видел. – Тетушка фыркнула.

Я открыла рот.

– И не говори, что на сумочке должны были остаться его отпечатки пальцев! – упредила мою реплику тетя Ида. – Марфинька едва услышала, что ее ридикюль достали из мусорки, протерла его антисептическими салфетками, ты же знаешь эту ее новую манию – все неистово обеззараживать... Как ей, наверно, нравится сейчас в больнице – все вокруг такое стерильное. – Тетушка немного успокоилась. – Так, давай-ка все же пить чай, он с травками, они полезны для нервов.

Я безропотно вернулась за стол, налила себе еще чаю, и с полчаса мы с тетей укрепляли нервы. Потом старушка пожелала прилечь, а я убрала со стола, вымыла посуду и снова вернулась к своему многострадальному ГГ.

Существенно переделывать сюжет не хотелось, и я решила дать герою высказаться, метко выстрелить и победить всех врагов... И уже потом уронить на него бетонную плиту с высотного строительного крана.

Очень необычный финал получится!

И у издателя при всех успехах передовой медицины вряд ли выйдет полноценно восстановить победоносного ГГ из того мокрого места, которое от него останется.

Глава вторая

Утро началось с глухого мягкого удара, от которого содрогнулись доски пола и сотряслась моя кровать.

Значит, кот опять уходил гулять по крышам, на которые из моей светлицы можно выйти, просто перешагнув подоконник. Надо бы форточку закрывать, чтобы этот мохнатый бродяга не шнырял туда-сюда, беспокоя мирно спящую меня.

– Волька, зар-раза, поймаю – шапку из тебя сделаю! – беспомощно пригрозила я, прекрасно понимая, что рукопашную с этим зверем мне не выиграть.

– Ме-е! – ехидно молвил кот, неторопливой трусцой пробега мимо моего ложа к лестнице.

«Меньше спать надо!» – так это надо было понимать.

Я с тоской посмотрела на потревоженные шторы, которые с вечера плотно задернула, потому что в питерские белые ночи плохо сплю – слишком светло мне.

Я привыкла, что темное время суток – не фигура речи, а факт. У нас на юге ночь как ночь – плотный черный бархат, а не жидкая белесая кисея.

– Мы! – мявкнул кот и посыпался по ступенькам на первый этаж, где кто-то настойчиво звонил в дверь.

– Мыться, бриться, жениться, – пробормотала я, без труда расшифровав кошачий приказ.

Судя по слепящей белизне просвета между полотнищами штор, утро нового дня уже не только наступило, но и довольно далеко продвинулось.

Я вздохнула.

Вчера вечером я все-таки пристукнула ГГ и теперь морально страдала.

С персонажами своих собственных романов я никогда так не поступаю, никого из тех, кто дорог сердцу читателя, не убиваю. Наоборот, веду героев и героинь из книжки в книжку, обеспечивая им долгую и полную веселых приключений жизнь...

Собственноручно совершенное жестокое убийство – будем честны и назовем вещи своими именами! – не давало мне покоя. Совесть меня так мучила, что мне даже снился этот несчастный ГГ, погребенный под бетонной плитой межэтажного перекрытия. 1200 на 2400 на 120 мм – это вам не баран чихнул...

Стандартные размеры многопустотной ЖБ плиты марки ПК мне любезно подсказала Ирка, она по первому образованию инженер-строитель.

Я выбралась из постели и подошла к столу, открыла макбук, а в нем – файл уже законченного романа. Перечитала еще раз последний абзац.

Может, зря я так? Пусть бы этот ГГ еще пожил, помучился...

Я уже занесла руки над клавиатурой, почти решившись

переписать финал, но мне опять помешала тетя Ида.

– Елена! – строго позвала она снизу. – Почему не спускаешься, ты ведь уже встала?

– Волька доложил? – фыркнула я, спешно меняя пижаму на домашний наряд, в котором позволительно явиться к столу.

– Я сама догадалась! – ответно фыркнула тетушка. – Когда на стол побелка с потолка посыпалась, прямо в тарелки!

– Это не из-за меня! – возмутилась я, сбегая по лестнице. – Волька с форточки на пол бухнулся – земля и содрогнулась!

– Ми! – пискнул кот, состроив невиннейшую морду.

– Милый котик? Ты? – Я закатила глаза к потолку, с которого действительно облетали белые порошинки. – Да ты настоящий мо!

– Монстр? – догадалась тетя и хихикнула, но тут же сделала строгое лицо. – Так, довольно препирательств, все садимся и завтракаем, а потом я попрошу тебя об услуге. Ты ведь не откажешься навестить со мной Марфиньку?

– Ма, – брюзгливо буркнул Волька и спрыгнул со стула, чтобы удалиться в свою личную трапезную за холодильником.

– Да, Марфиньку! – вслед ему с нажимом повторила тетушка. – Она уже дома, но еще нездорова, и я просто обязана ее проведать. Специально заказала немного фруктов...

Я огляделась и увидела внушительного вида пакет, бугря-

щийся разнокалиберными выпуклостями и увенчанный си-не-зеленым хвостом ананаса.

Понятно, значит, в дверь звонил курьер службы доставки. Какой-нибудь крепкий молодой человек, вместо которого дальше – к Марфиньке – пакет с дарами природы потащит я.

– Ей точно нужно так много фруктов? – Я кивнула на пакет.

На глазок он тянул минимум на полпуда.

– Не могу же я прийти с одним апельсином! – с достоинством ответила тетя, переставляя на стол тарелку со свежей выпечкой.

Понятно, значит, к мешку фруктов будет еще корзина печенья.

Тележку бы нам. И Вольку в нее запрячь. Отличный ездовой кот получился бы!

– Мо! – будто услышав, что я о нем думаю, подсказал Волька из своего угла.

– Можно машину взять! – подхватила я. – У меня в этом месяце как раз кэшбек на оплату такси.

– Можно, – благосклонно согласилась тетя. – Тогда еще журнальчики для Марфиньки захватим. Читать ей пока не стоит, при сотрясении глаза напрягать ни к чему, а вот картинки она посмотрит с удовольствием. В таком случае жду тебя через полчаса после завтрака, ты ведь успеешь?

– Конечно, успею, – кивнула я. И не удержалась – съязви-

ла: – Мне же телегу с дарами не собирать.

– Мо! – высунув из-за угла половину хмурой морды, упрекнул меня Волька.

– Молода ты еще мне дерзить! – Тетя развила мысль кота.

– Ай эм сорри, – покаялась я и взяла печенье.

– Ле-на! – Тетя постучала серебряной ложечкой по боку фарфоровой чашки.

– Что? – не поняла я. – Печенье можно есть руками!

– Конечно, можно и даже нужно. Но есть один нюанс: кусать его не стоит. По правилам этикета, если печенье или пирожное нельзя целиком положить в рот, нужно разламывать его на кусочки. Вот так. – И тетюшка подала мне пример.

Я посмотрела, как красиво и аккуратно она ест, и подавила усмешку. Если я в кругу семьи буду демонстрировать хорошие манеры, мне не то что печенья – даже крошек от него не достанется! Муж и сын, почти двухметровые гиганты, все слопают раньше, чем я рот открою.

Тут я слегка опечалилась, вспомнив, что не увижу своих любимых еще месяц, если не больше.

В начале июня мы вынужденно разделились: Колян и Колюшка поехали в Крым помогать деду подновлять к сезону семейный летний дом, а я отправилась в Питер, чтобы принять у застройщика купленную еще на этапе котлована квартиру. Ипотека была оформлена на меня, мне и предстояло подписать акт приемки, но вышла неувязочка: оказывается, застройщик без соответствующего объявления коварно по-

менял нумерацию корпусов, наш первый внезапно сделался третьим, и я, не зная об этом, приехала слишком рано.

Застройщик уверял, что и последний корпус сдаст со дня на день, но время шло, а получение ключей все откладывалось. Возвращаться домой в Краснодар, чтобы потом по сигналу снова лететь в Питер, смысла не было, и я сидела в северной столице уже третью неделю.

Изначально, думая, что мой визит в Санкт-Петербург будет краткосрочным, я сняла на пару суток номер в гостинице, но тетушка, едва мы встретились, потребовала, чтобы я перебралась к ней.

Вообще-то Ираида Львовна мне не родная по крови. Она вдова двоюродного брата моей мамы.

Тут вот какая история: давным-давно один питерский профессор прижил ребеночка не то с горничной, не то с кухаркой, которой была моя прабабка. Родившуюся девочку Таню он вроде как признал, но растила ее одна мама, поскольку у папы имелась другая семья, а в ней уже был сын Ваня.

Несмотря ни на что, Таня и Ваня относились друг к другу по-родственному, как и положено брату с сестрой.

Таня, когда выросла, стала учительницей, вышла замуж за военного врача, уехала с ним из Ленинграда и после долгих скитаний по гарнизонам осела с мужем и детьми на родине супруга – в кубанской станице.

Ваня стал инженером, женился, родил с супругой сына

Витю. Тот, когда вырос, пошел по папиным стопам, вступил в брак с однокурсницей Идочкой, работал вместе с ней на каком-то секретном предприятии, но рано умер, оставив жену, дочь и сына. Дети их выросли и уехали из России: дочь – в Израиль, сын – в Америку. Чтобы помочь им встать на чужбине на ноги, Ираида Львовна продала роскошную семейную квартиру на набережной канала Грибоедова и купила себе эту маленькую двушку фасона «затейливый скворечник», в которой и живет одна уже много лет.

То есть я к этой недвижимости вообще никакого отношения не имею, однако тетя, подозреваю, ощущает нелепую смутную вину за то, что наша ветвь семейства утратила корни на родине предков. Когда мы купили скромную квартирку в Мурино, ее радости не было предела! «Наконец-то!» – повторяла она, утирая слезы. И бормотала что-то невнятное про воссоединение семьи, возвращение к истокам и круг, который должен был замкнуться.

Из сказанного я поняла только одно: Ираида Львовна ужасно одинока. Ее взрослые дети далеко, внуки, тоже вполне зрелые люди, выросли, вовсе не зная свою бабушку. В Америку она смогла съездить только несколько лет назад, и там ей не понравилось. По сути, у нее остались только кот и подруга Марфинька, тоже старушка.

– Через тридцать минут выходим, – напомнила тетя Ида, звякнув сложенными в стопку тарелками.

Я очнулась и огляделась. Стол опустел, тетушка с посудой

в руках переместилась к мойке. Волька сидел посреди комнаты, задрвав заднюю лапу в таком высоком и прямом батмане, которому позавидовала бы прима-балерина Мариинки, и старательно вылизывался, всем своим видом показывая, что завтрак закончен, но у нормальных людей и котов еще полно важных дел.

– Буду без опоздания, – пообещала я, встав из-за стола, и пошла собираться к выходу.

Зная, что тетушка не одобрит незамысловатый наряд джинсы-майка, я в скоростном режиме отутюжила приличное платье, собрала волосы в благородный низкий пучок и даже бусики на шею повесила.

Марфинька, сердечная подружка тети Иды, бывшая актриса, большая любительница и ценительница красивых модных нарядов. В свои изрядно за 80 она одевается так, что некультурные граждане на улице на нее засматриваются, разинув рты, а вежливые интуристы постоянно просят разрешения ее сфотографировать. С визитом к такой персоне в чем попало не явишься – не комильфо.

Тетушка тоже принарядилась, облачившись в длиннополое сатиновое платье в мелких ромашках по лазоревому фону, белый приталенный пиджачок и шляпку из серебристой соломки.

– Как думаешь, сюда лучше жемчуг или бирюзу? – обернулась она от зеркала.

– Бирюза немного не в тон, – рассудила я.

– Тогда жемчуг. – Тетушка привычно ловко обмотала вокруг шеи длинную нитку и пожаловалась: – Хотела надеть серебряный браслет с хрусталем, он подошел бы идеально, и Марфиньке было бы приятно увидеть, что я ношу ее подарок, но, как на грех, забыла снять его с Вольки.

– Он ушел на прогулку в новом парадном ошейнике? Ну, теперь точно все окрестные кошки его, – пошутила я и взяла приготовленную тетей хозяйственную сумку.

Взвесила ее в руке – не полпуда, слава всевышнему! Килограммов пять, можно и без такси обойтись, донесу.

– Волька в новом ошейнике очень хорош, – подтвердила тетушка. – Посмотри у себя в телефоне, я переслала тебе фото. Но настоящему мужчине, даже если он кот, не нужны украшения. – Она подхватила лаковую сумочку и сделала руку кренделем, предлагая мне взять ее под локоток. – У нашего Вольки харизма, брутальная красота, порода и статья...

Обсуждая несомненные достоинства кота, мы неторопливо спустились со второго этажа, вывернули из двора-колодца через арку и двинулись по улочкам Петроградской стороны, машинально присматриваясь к попадающимся на глаза уса-тым-полосатым.

Всем им было далеко до нашего Вольки. Тот действительно выдающийся зверь.

Неизвестно, какой он породы. Определенно помесь мейн-куна, но с кем? Я бы предположила, что со сказочным Серым Волком – такой котяра здоровенный и умный, почти го-

ворящий. Тетя Ида подобрала его все на той же Блошке, где Волька чинно сидел на расстеленной газетке, как бы предлагая сам себя. Никаких хозяев при коте не было, и тетушка беспрепятственно увела его с собой.

Несмотря на облагораживающее влияние хозяйки, без усталости прививающей хорошие манеры всем вокруг, в полной мере домашним зверь не сделался. Так и остался полудиким – с неистребимой тягой к странствиям по подворотням и крышам, на которые он практически беспрепятственно выбирается через форточку в окне моей светлицы.

День был ясный, солнечный – редкость для Питера. Благоклонно жмурясь на сияющую золотым шпилем Петропавловку по правому борту, мы с тетей чинно доплыли до Александровского парка, спустились в метро и вскоре выбрались из него на станции «Невский проспект», чтобы выйти сразу на канал Грибоедова, где живет Марфинька.

У тетиной давней подружки нет и никогда не было детей, она никому не приносила весомых материальных жертв, всегда жила для себя и, в отличие от тетушки, сохранила родительскую квартиру. Четыре комнаты с кухней, санузлом и балконом в старинном доме на первом этаже, который благодаря высокому цоколю кажется вторым, – роскошные апартаменты! Тетя Ида, заглядывая к подружке в гости, всякий раз сокрушенно вздыхала: ее бывшая квартира, не менее прекрасная, находилась в соседнем доме.

– Вот тут и жили твои предки. – Тетушка и на этот раз

притормозила у знакомого здания, кивнула на высокие окна и вздохнула: – Ах, все-таки не следовало мне продавать эту квартиру, уж как-нибудь Миша с Машей справились бы сами в своих заграницах...

– Да что уж теперь об этом, продали – и ладно, главное – все у всех хорошо, – грубовато ответила я, не желая, чтобы тетушка закручинилась. – Идемте, Марфинька небось все окно носом протерла, высматривая нас.

Тетя, конечно же, заранее предупредила подружку о нашем визите, а это означало, что принимать нас будут по полной гостевой программе – с приветственными объятиями-поцелуями, охами-ахами по поводу принесенных гостинцев, чаепитием и застольной беседой.

Я заранее морально готовилась к роли благодарного слушателя: уже знаю, в моем присутствии дамы будут особенно сладострастно предаваться воспоминаниям. Сами-то о себе они давно все знают, а тут – свежие уши, прекрасно подходящие для развешивания на них ностальгической лапши.

– Ну наконец-то, я чайник уже дважды подогрела! – встретив нас в прихожей, проворчала Светочка – не то компаньонка, не то домработница Марфиньки, а может, какая-то дальняя родственница – я не выясняла.

Светочка – дама формата «Фрекен Бок»: рослая, крепкая, неизменно одетая в цветастое платье и фартук с одним большим карманом, из которого она то и дело извлекает что-то ситуативно уместное. Я все жду, когда из него появится де-

теньш кенгуру – очертаниями фигуры и походкой с подскоком Светочка очень похожа на это австралийское животное.

Возраст Светочки определить сложно, но она старше меня и моложе Марфиньки. Я так думаю, потому что Марфа Ивановна на укоризненное ворчание заботливой Светочки любит заявлять: «Ах, не учи меня, сначала поживи с мое!», а сама Светочка пару раз по случаю говорила то же самое мне.

– Здравствуй, милая, это все на кухню, фрукты немытые. – Тетя Ида, не обращая внимания на привычное ворчание Светочки, указала той на пакет в моей руке, сбросила балетки, сунула ноги в персональные тапочки и посеменила, выжимая из старинного паркета ритмичный музыкальный хруст, в гостиную.

Я с пакетом проследовала за Светочкой в кухню. Хотела помочь ей там, но она угрюмо буркнула:

– Чего удумала? К мадамам иди!

И я пошла к «мадамам».

Марфа Ивановна в честь нашей встречи облачилась во что-то длинное, струящееся, слепяще отблескивающее и навертела на голове тюрбан из шелкового шарфа. Его край, украшенный бисерной бахромой, колыхался над ее плечом, отвлекая внимание от лица. То было бледным, видно, бабуля чувствовала себя неважно, хотя и старалась держаться молодцом – щебетала, как чижик-пыжик. О чем – я не прислушивалась, тетя Ида и одна справлялась с ролью отзывчивой публики, так что я просто сидела, ела плюшки и любовалась

«мадамами». Была бы художником – непременно написала бы с натуры жанровое полотно с названием вроде «Кумушки» или «Душеньки-голубушки».

Однако в какой-то момент меня царапнуло нехарактерное обращение: Марфа Ивановна назвала подругу бабушкой Люсей! И тетя Ида, которая слово «бабушка» по отношению к себе любимой не приемлет категорически, не возмутилась, не поправила Марфиньку, а только слабо покривилась.

Я прислушалась и поняла, что дело плохо. Марфинька захлеб рассказывала «бабушке Люсе», какая это прелесть – капроновые чулки и как жаль, что достать их так трудно. «Бабушка Люся» в ответ делилась лайфхаком, доверительно признаваясь, что ей не раз приходилось имитировать отсутствующие чулки, рисуя стрелки на голеньях карандашом для глаз.

Я припомнила, что эта дамская хитрость датируется серединой прошлого века, и, улучив момент, тихо выскользнула из-за стола.

Светочка на кухне яростно пластала большим ножом ананас без кожицы. Глазки она не вырезала, но я не стала ей на это указывать. Не все еще в нашем отечестве знают, как именно предписывают обращаться с экзотическими фруктами правила хорошего тона. И не у всех есть такая тетя, как у меня.

– Что это с Марфой Ивановной? – спросила я. – Ираида Львовна у нее сегодня почему-то бабушка Люся.

– А я вообще Клавка! – рывкнула Светочка и рубанула по ананасу. – Хотя кто такая Клавка – убей, не знаю!

– А бабушка Люся кто?

– Ираидина тетка, наша мне про нее много рассказывала. Они с Ираидой девчонками на ту Люсю чуть ли не молились, такая она красивая да моднявая была.

– То есть у Марфы Ивановны совсем уже... – Я запнулась, не решившись брякнуть, как думала, – «крыша поехала». Сказала по-другому: – ...Все в голове перемешалось?

– Так башкой же бедолага стукнулась, мозги и сотряслись! – Светочка переложила ананасовые кружочки с разделочной доски на блюдо. – Ничего, авось еще улягутся как надо. Вы ей там не перечьте. – Она неожиданно встревожилась. – Побудем пока Люсями да Клавками, чай, не облезем.

– Да мне-то что, меня она вообще не узнала, похоже. – Я взяла блюдо и понесла его в гостиную.

«Мамамы» уже обсуждали способы домашней завивки волос. Марфинька агитировала тетушку обязательно как-нибудь накрутить бигуди на свежее разливное «Жигулевское» пиво, уверяя, что при этом локоны получаются крепкими, но эластичными, не то что при использовании обычной сахарной воды. Тетя Ида с кислой улыбкой обещала при случае непременно попробовать. Я понадеялась, что она это не всерьез – где я ей свежее разливное «Жигулевское» найду?

Странный разговор, похожий на светскую беседу доброго психиатра с тихим сумасшедшим, продолжался минут со-

рок. Потом тетушка решила, что правила хорошего тона уже позволяют нам откланяться, и сердечно распрощалась с подругой. «Мамамы» расцеловались в душистые мягкие щечки, я ограничилась улыбкой и подобием малого реверанса – от личности, которую гостеприимная хозяйка явно не сумела идентифицировать, большего и не требовалось.

– Уф-ф-ф, – выдохнула тетя Ида, когда обитая красным дерматином высокая дверь закрылась за нами с мягким чавкающим звуком. – Это было серьезное испытание нервов на прочность!

– А вы действительно так похожи на эту бабу Люсю? – поинтересовалась я.

– Я плохо помню ее пожилой дамой, но Марфиньке в этом смысле можно доверять, у нее отличная память на лица и костюмы, – сухо ответила тетушка.

– Отличная память – это уже не про Марфиньку, мне кажется, – не удержалась я.

Тетя Ида выдохнула, но ответить мне не успела. Дверь квартиры Марфы Ивановны снова открылась, и на площадку тихо выступила Светочка.

– Пс-с-с! – призывно посвистела она нам. – Я что сказать-то хотела: неладно у нас.

– Да, мы заметили, – выдохнула тетушка.

– Я не про это. – Светочка оглянулась на дверь квартиры, в которой осталась Марфинька, и покрутила пальцем у виска. – Наша-то давно уже не дружит с головой, к ее провалам в

памяти я привычная. А что не так у нас, так это вот: в квартире кто-то чужой побывал. Кто – не представляю! Знаю только когда: нынче утром, пока я нашу из больницы забирала.

– Из квартиры что-то пропало? – спросила я.

– Вот то-то и оно. – Светочка сокрушенно вздохнула, всколыхнув могучую грудь, и стиснула руки на кармане передника. – Платья я что-то не нахожу! Того самого. – Она с намеком посмотрела на тетю Иду.

Я глянула на тетушку вопросительно.

– Потом расскажу, – отмахнулась она и снова обратилась к Светочк: – Только платья нет? А украшения целы?

– Вроде все на месте, но в ларце точно шарились, некоторые цацки не в своих гнездах лежат.

Тут я и без объяснений поняла, о чем она. Марфинька неоднократно демонстрировала мне свою коллекцию «цацек», она у нее хорошо систематизирована: каждое украшение хранится в отдельной ячейке с биркой-подписью.

– А вот этого у нас раньше не было, нашла, когда полы перед вашим приходом намывала. – Рука Светочки нырнула в кармашек и извлекла оттуда какую-то мелкую вещицу.

Пытаясь ее разглядеть, близорукая тетушка клюнула носом:

– Это что?

– Пуговка. – Я потянулась и забрала у Светочки ее находку. – Металлическая, с буквами. Я бы сказала – с какой-то джинсовой одежды.

– Мы джинсов не носим, – с большим достоинством молвила Светочка и оправила на себе передник. – Так что это точно не наше.

– Вторженец потерял, – предположила я. – Отлично, вот и улика для полиции. . .

Тетушка и Светочка посмотрели на меня одинаково скептически и синхронно затрясли головами. При этом на тетиной шляпке из серебристой соломки весело заплясали цветные солнечные зайчики, просочившиеся сквозь витражное окно над подъездной дверью.

– Вы что? Надо же сообщить! – возмутилась я.

– Очень нужно полиции разбираться с закидонами сумасшедшей бабки, – прямо высказалась Светочка и, сочтя разговор законченным, повернулась и скрылась за дверью.

Мы с тетей остались стоять на лестнице: она – с печалью во взоре, я – с пуговицей в руках.

– Неправильно это, – неуверенно сказала я, не видя поддержки. – Надо же разобраться. . .

– Идем, ты хотела про платье узнать, я тебе расскажу по дороге. – Мудрая тетушка сменила тему и двинулась к выходу из подъезда.

Обещанного рассказа мне пришлось подождать: повествовать на ходу или в метро тетя Ида не пожелала, чтобы не смазать впечатление. Наконец мы присели на лавочку в тенистом Александровском парке, и только тогда тетушка соизволила начать былинный сказ:

– Давным-давно, когда Марфинька была еще молодой и красивой...

– Это при царе Горохе, что ли? – не выдержала я.

– При каком царе? – обиделась тетя. – Марфинька тридцать восьмого года рождения, а я даже моложе, – она кокетливо поправила шляпку, – Брежнев тогда у нас был, вот кто, а никакой не царь. А у Марфиньки как раз случилась очередная любовь, ее сердечным другом стал один видный московский партиец, она даже перебралась в столицу... на пару лет, пока у них все не закончилось.

Я покивала, поскольку тетюшка сделала паузу, явно дожидаясь моей реакции, а мне ее намеки вполне понятны. Марфинька по молодости лет была той еще кокеткой-сердцеедкой и романы крутила – как сельский пастух хвосты коровам: с завидной регулярностью.

– А Марфинькин амант имел какое-то отношение к отечественному кинопроизводству, что-то там курировал, контролировал, одобрял или, наоборот, не санкционировал. Короче, был влиятельной персоной на «Мосфильме».

Она снова сделала паузу, и я опять покивала – на сей раз уважительно.

– А Марфинька же, ты знаешь, актриса, – продолжила удовлетворенная сказительница. – Она всегда мечтала попасть в кино, а ее почему-то не брали.

«Потому что плохая она актриса!» – захотелось сказать мне, но я, конечно, удержалась.

Ни на экране, ни на сцене я Марфиньку не видела, а те маленькие домашние представления, которые она устраивает на публику в нашем со Светочкой лице, все же не позволяют уверенно судить о масштабе актерского дарования.

– И вот Марфинька как-то упростила своего Викентия – это ее кавалера так звали, – пристроить ее в новый фильм. Да не к кому-нибудь, а к известному режиссеру. Он как раз снимал кино про летчиков, которое потом во всех кинотеатрах показывали, а недавно, я видела, продолжение сняли, но оно послабее, чем первый фильм, я считаю...

– «Экипаж», что ли? – перебила я, не дожидаясь, пока рассказчица глубоко погрузится в критический анализ. Вытаскивай ее потом оттуда, как из болота бегемота...

– Совершенно верно! – Тетя Ида обрадовалась. – Ты смотрела?

– Все смотрели.

– Смотрели-то все, – согласилась тетушка, – но не каждый увидел: там в одной сцене наша Марфинька мелькнула. Короткий эпизод, но примечательный...

Она опять замолчала, тонко улыбаясь.

– Чем же? – подала я ожидаемую реплику.

– А тем, что Марфинька специально для своего кинодебюта выпросила в костюмерной «Мосфильма» особое платье. Оно за пару лет до этого в «Служебном романе» снималось и было очень, ну просто очень... Как сказать? Популярным, легендарным, знаменитым...

– Культовым, – подсказала я правильное слово.

– Да! Об этом платье мечтали все женщины Советского Союза! – Тетушка прикрыла глаза и поцокала языком. Видно, тоже мечтала, как все. – Алиса Фрейндлих в нем снималась, когда ее героиня перестала быть мымрой...

– Это такое клетчатое, с крупными пуговицами и отворотами на воротнике и карманах?! – оживилась я.

– Оно самое!

– Так я его помню, хотя еще ребенком была!

– Я же говорю – все женщины Советского Союза, от мала до велика... – Тетушка улыбнулась, радуясь успеху своего рассказа.

– Марфинька снималась в «Экипаже» Митты в платье экс-мымры Фрейндлих из «Служебного романа» Рязанова, круто! – Я не могла успокоиться.

– И это ты еще главного не знаешь. – Былинный сказ, оказывается, еще не закончился. – Потом, после съемок, Марфинька нажала на своего Викентия, и тот как-то устроил, что платье списали, оно так у нее и осталось!

– Да, я читала, что актеры так делали – не возвращали в костюмерную модные наряды, в которых снимались. Дефицит же, красивую одежду достать было трудно, – поддакнула я.

– Неужто помнишь? Как будто тоже при царе Горохе жила, – запоздало съязвила тетушка.

– Я уже в школе училась, когда Брежнев умер, – напом-

нила я. – Потом, кстати, с тряпками ничуть не лучше стало, это только последние лет двадцать пять...

– Ах, что такое двадцать пять лет! – отмахнулась тетушка. – Хотя... как посмотреть, конечно. Если мы говорим о возрасте предметов, то четверть века – это уверенный винтаж. От двадцати до шестидесяти лет, если быть точной. А тому самому платью, вернемся к нему, уже сколько? Посчитай, «Служебный роман» вышел в семьдесят седьмом... Да, винтаж, а скоро уже и антиквариатом будет. Причем, прошу заметить, с провенансом!

Провенанс – это история владения художественным произведением или предметом антиквариата, его происхождение. Мне это слово хорошо знакомо – тетушка, завсегдатай Блошки, его частенько употребляет. На художественных и антикварных рынках провенансом подтверждается подлинность предметов. Провенанс обычно приводится и в аукционных каталогах...

И тут я, кажется, догадалась:

– Намеряете, что то самое платье имеет такую стоимость, что его могли похитить?

Тетушка развела руками:

– Я, конечно, не знаю, сколько может стоить этот наряд... Но, например, платье, в котором Мэрилин Монро спела свое знаменитое «Хеппи бёздей, мистер президент», было продано на аукционе в Беверли-Хиллз за 4 миллиона 800 тысяч долларов!

– Ого, – охнула я.

– Ну, Марфинька наша, прямо скажем, не Монро, – хмыкнула тетушка, – да и клетчатое платье вообще-то не ее, а Алисы Фрейндлих, звезды отечественного кинематографа. Это чего-то да стоит... Ты знаешь, что наряды Катрин Денёв ушли с молотка за миллион, а свадебное платье Шэрон Тейт – за пятьдесят тысяч, и это в долларах?

– Я не знала... А вы-то откуда? – У меня зародилось подозрение.

– Так, проясняла историю вопроса... Для себя и для Марфиньки, – уклончиво ответила тетя Ида.

Понятно. Значит, ушлые старушки, освоив блошинные рынки, подумывали замахнуться уже и на «Кристи» с «Сот-бисом».

– Ах, ну что же мы тут сидим, тебе же работать надо! – Хитрая тетушка встала со скамейки, положив конец разговору, который мог принять нежелательный для нее оборот.

Досекретничают они с Марфинькой, две старые авантюристки. Одна уже получила по голове, а им все мало – ищут волнительных приключений!

Я все-таки сделала попытку урезонить тетушку, заметив – мягко, поскольку нотаций она не терпит:

– Опасное это дело – поиски сокровищ. Вы бы с Марфинькой...

– Ах, оставь, мы же не расхитительницы гробниц! – перебила меня тетя Ида досадливо и польщенно одновременно.

но. – И не морские флибустьеры, живем себе мирно в культурном городе, питаем интерес к предметам старины, оно и понятно – сами уже антиквариат. – Она хихикнула над собственной шуткой и снова коварно сменила тему: – А что там Ирочка, когда ее ждать?

– Ее не надо ждать, Ирка же как любовь: она нечаянно нагрнет, когда ее совсем не ждешь, – ответно отшутилась я и послушно подцепила тетушку за подставленный мне сдобный кренделек локотка. – В самом деле, пора домой, я сегодня еще даже свою программу-минимум не выполнила.

Надо сказать, я из тех неудобных для окружающих людей, которые органически не выносят безделья.

Если мне нечем заняться, я затеваю авантюры разной степени опасности. Наверное, поэтому мой ангел-хранитель заботится о том, чтобы у меня всегда было много работы.

В Питер я приехала, не имея никаких срочных трудовых задач, кроме скорейшего завершения очередного бестселлера мистера Блейка, однако стоило мне вынужденно задержаться на берегах Невы, как тут же подвернулась интересная подработка.

Бывшая коллега-журналистка, давно уже перебравшаяся в Северную столицу, предложила мне конвертировать избыток свободного времени в деньги, заняв вакансию в новом СМИ под названием «Криптаймс». Это электронное средство массовой информации возникло, как Афродита из пены морской, на волне растущего интереса публики к блокчейну

и криптовалюте, а я в них кое-что понимаю – мой муж как раз по этой части специалист.

Экс-коллега предложила мне работу редактора-копирайтера, условия меня вполне устроили – удаленка, свободный график, необременительные пять новостей в сутки, оплата на криптокошелек в стейблкоинах USDT, надежно привязанных к доллару. Я согласилась и вот уже пару недель вношу свою лепту в продвижение в широкие массы идеи принятия криптовалюты.

Чем просто так скучать, рискуя вляпаться в неприятности, лучше уж заняться чем-то полезным и заодно денежек на предстоящий ремонт подкопить, правильно?

Мы с тетушкой вернулись домой, и она объявила, что, пожалуй, приляжет немного отдохнуть, а я поспешила подняться к себе, торопясь избавиться от неудобного узкого платья. Уже переодевалась в спортивный костюм, когда услышала звуки какой-то возни за окном.

– Объявился, гуляка?

Полагая, что это Волька вернулся с прогулки по крышам, я сунулась к окну и едва не столкнулась лбом совсем не с котом! Хотя – нет, мы не могли столкнуться, ведь между нами было стекло...

Подумав об этом, я машинально толкнула створки, открывая окно. И заодно отбрасывая подальше непропеченный блин незнакомой бледной физиономии.

Физиономия и все остальное, тоже незнакомое, исчезли,

перестав загоразивать мне романтический вид на питерские крыши. Но желание любоваться ими у меня почему-то пропало.

Очень медленно и осторожно, как проржавевшая кукушечка из старинных (с Блошки!) ходиков, я высунулась в окно по пояс и посмотрела на яркое пятно под моим подоконником.

Говорят, все в истории повторяется дважды, сначала как трагедия, а потом как комедия... Или наоборот? Не помню точно. Но вчера я легким движением руки обрушила на героя свеженького бестселлера Питера Блейка кару небесную в виде бетонной плиты, превратив любимца читателей в мокрое место, – а сегодня на крыше за моим окном обнаружилось алое пятно с распластавшимся в нем недвижимым телом!

Да нет же, стоп машина, красная блестящая лужа – это вовсе не свежая кровь! Я отважно пригляделась к пугающей картине: алая шелковая подкладка то ли куртки, то ли пиджака...

«В белом плаще с кровавым подбоем...» – хорошо поставленным актерским голосом затянул кто-то начитанный в моей голове.

– Цыц! – велела я ему и не глядя нащупала справа от подоконника длинную палку, которую использую для того, чтобы задвигать шторы, – потолки в моей светлице почти четырехметровые.

Я осторожно потыкала ею этого, в плаще с подбоем. Тот ойкнул, повернулся на бочок, поджал ноги и замер в позе зародыша.

Живой пока. Уже неплохо.

– Лена, что там у тебя? – спросила снизу не по возрасту чуткая тетя Ида.

Не иначе, услышала, как я открыла окно. Она не любит сквозняков и всемерно с ними борется.

– Какой-то мужик, – ответила я лаконично, но честно.

Обалдела немного, признаться, иначе соврала бы, чтобы не тревожить старушку.

– Какой еще мужик? – Голос тетушки сделался громче – она явно переместилась к основанию лестницы. – Откуда?!

– Очень, очень хороший вопрос, – пробормотала я и снова высунулась за борт, на этот раз взглянув не вниз, а на окно соседа сверху.

Надо мной проживает Василий Кружкин, классический питерский маргинальный интеллигент – художник-алконавт. По причинам, мне неизвестным, он хранит скоропортящиеся продукты не в холодильнике, как все нормальные люди, а в специальном ящике за окном. Однажды оттуда уже упала кастрюля с борщом, тогда под моим подоконником тоже образовалась красная лужа с пугающе крупной мозговой костью в центре.

«Думаешь, на сей раз Василий сварил борщ из целого мужика?» – скептически спросил тот же голос в моей голове.

Я, разумеется, отбросила эту нелепую версию и выдвинула другую, более резонную:

– Может, это какой-то приятель Василия. Напился, забылся, свалился...

«Упал, очнулся – гипс», – подхватил внутренний голос, не утратив скепсиса.

Я снова посмотрела на незнакомца. Он выглядел целым.

– Так что там с мужиком-то? – точно в тему покричала снизу излишне любопытная тетушка. – Он влез к тебе в окно?

– Что за инсинуации? – Я сочла необходимым оскорбиться. – Я вам кто, влюбленная Джульетта? Я честная женщина со стойкими моральными принципами!

– Тогда откуда у тебя там мужик?

У меня с принципами все хорошо, а у тетушки – с логикой.

– А он не тут у меня! Он там, на крыше! – ответила я.

– Трубочист, что ли?

Я отошла от окна, чтобы выглянуть в лестничный проем:

– Какой еще трубочист?!

– Лена, в городе тысячи квартир, оборудованных газовыми водонагревателями, в них есть дымоходы, зачастую они сделаны из красного кирпича, а он имеет свойство разрушаться. Вентиляционные каналы засоряются, и их прочищают трубочисты, – не затруднилась с обстоятельным ответом тетушка. – Посмотри, у него есть при себе гиря?

– Какая еще гиря?! Зачем?

– Для прочистки дымоходов, зачем же еще! Если есть, это точно трубочист! – Снизу донесся скрип – тетя ступила на нижнюю ступеньку лестницы.

– Не вздумайте сюда подниматься! – крикнула я нервно. – Свалитесь – тоже убьетесь, хватит с меня одного трубочиста!

– А он убился?

Говорю же, с логикой у тети все в порядке.

– Не знаю.

– Посмотри! Может, он еще жив и нуждается в медицинской помощи, так я скорую вызову!

– Куда – на крышу? Какую скорую? Айболита на орле?

Делать нечего, надо лезть на крышу и спускать с нее этого, с подбоем, если он относительно транспортабельный. Иначе к нему не скорую, а МЧС вызывать придется, вот морока-то...

– Ждите там, я попробую переместить его в дом! – сказала я тете Иде и по характерным звукам снизу поняла, что старушка кинулась готовить аптечку – у нее это средних размеров чемодан в нижнем ящике комода.

Тихо радуясь тому, что на мне удобный спортивный костюм, я вылезла в окно и склонилась над лежащим на крыше мужиком, прислушиваясь, дышит он или нет.

Тот засопел, дернулся и вдруг открыл один глаз и сказал:

– Сорри...

Переключатель в моей голове щелкнул, не дожидаясь ко-

манды, и я брякнула по-английски:

– Are you okay?

И сама же смутилась: блин, сколько раз мы с Иркочкой ржали над тем, как в штатовских фильмах добрые люди заботливо спрашивают полумертвого героя: «Вы в порядке?» – и сама повторила ту же глупость!

– Speak English? – Полумертвый открыл второй глаз.

– Иногда, в случае крайней необходимости, – пробурчала я.

– Я на край? – Он заволновался, неловко сел и опасливо огляделся. – Нет, далеко.

– И высоко, – подсказала я, помогая ему подняться. – Это третий этаж, спускаться лучше по лестнице.

– Нет лестница, – сказал он с сожалением. – Много крыша.

Идти, идти... Тур.

– А, вы с экскурсией приперлись? – догадалась я.

Прогулки по питерским крышам – популярная альтернативная экскурсия, на Невском на каждом углу стоят ушлые мальчишки и девочки, готовые организовать гостям города такое развлечение. Это интересно, только безопасность экскурсантов «левые» гиды не обеспечивают. Вот и интурист, похоже, пострадал...

– А гид ваш где? – спросила я пострадавшего, увлекая его к открытому окну.

Не бросать же интуриста на крыше. Что он подумает о традиционном русском гостеприимстве!

– Гад, а не гид! – сердито выдохнул интурист, и я посмотрела на него внимательнее.

Как фразу-то построил, будто и не иностранец!

Интурист засомневался:

– Не гад? Как есть? Разбойщик?

Нет, все-таки с русским у него беда.

– Разбойник, – поправила я, установила импортного товарища в шатком равновесии у подоконника, залезла в комнату и потянула его туда же. – Welcome home... Home, sweet home...

– Thank you... – Мужик кое-как перевалился через подоконник и уже в помещении сунул мне холодную, как рыба, ладонь. – Very happy... I'm Warren.

– Я Елена. И не то чтобы очень рада, но куда деваться, добро пожаловать. Присядьте пока на кровать.

– Ну что там, Лена? Что?! – позвала истомившаяся в неизвестности тетушка.

– Живой! – доложила я ей. – Не трубочист. Похоже, иностранец. Уоррен зовут.

– Как интересно! – восхитилась она. – Уоррен сможет спуститься по леснице? Если да, я тут жду с аптечкой!

– Если нет, аптечка тем более пригодится, – пробормотала я, мысленно попросив своего ангеля-хранителя осенить крылом иностранного гостя.

Да не рухнет он с крутых ступенек, не расшибется и не окочурится!

Ангел не подвел. Уоррен не грохнулся с лестницы, и тетушке не удалось попробовать себя в роли сестры милосердия. Ран, которые требовалось бы врачевать, у нашего незваного гостя не было, только шишка на голове.

– Разбойщик – бам! – Напившись чаю с травками и взбодрившись, интурист выразительной пантомимой показал, как ему дали по голове.

С размаху, похоже. И чем-то увесистым.

– Денюжник – хап! – Уоррен вывернул пустой карман куртки.

– Бумажник, – машинально поправила я.

– Ах, боже мой! Это мог быть тот же грабитель, который вчера напал на Марфиньку! – округлила глаза тетя Ида.

– Или какой-то другой, – заметила я.

– Думаешь, в нашем прекрасном городе такая криминальная ситуация, много грабителей? – Тетушка обиделась за родной Санкт-Петербург. – Ах, оставь. То ни на кого не нападали, а то вдруг каждый день кого-то по голове бьют и обчищают? Нет, у нас точно завелся налетчик, надо будет позвонить участковому.

– Полиц? – заволновался наш ударенный и ограбленный. – Не есть полиц!

– Есть не будем, просто сообщим, – пообещала я.

Но интуристу перспектива общения с полицией так не понравилась, что он поспешил откланяться. Хотя добрая тетушка предлагала ему немного отлежаться у нас или поехать

в больницу – на выбор.

– Очень милый молодой человек, – заключила она, когда Уоррен наконец ушел и дверь за ним закрылась. – Надеюсь, он еще заглянет к нам до отъезда...

– Надеюсь, мы его больше никогда не увидим, – не согласилась я. И, поскольку тетушку это огорчило, добавила: – Во всяком случае, лежащим за моим окном.

Остаток дня прошел спокойно, без потрясений, но незадолго до ужина в дверь позвонили, и тетя обрадованно позвала меня:

– Елена, смотри-ка!

Я выглянула в проем. Тетя Ида зарылась носом в розовый букет и дышала, как астматик во время приступа, – аж бока ходуном ходили.

– У вас что, аллергия на розы?! – Я спешно спустилась.

– Наоборот! Подержи-ка. – Она сунула мне букет и засеменила к застекленной горке с посудой, чтобы выбрать подходящую вазу.

Я сдернула с ленточки привязанный к цветам бумажный квадрат. На картонке было написано: «Thanks – Warren». Лаконичненько.

– Цветы от Уоррена, – сообщила я тете. – В знак благодарности.

– Говорю же – очень милый молодой человек, – повторила она и поставила под кран круглую богемскую вазу, набирая в нее воду для цветов. Потом протянула мокрый стеклянный

колоб мне: – Поставь у себя.

– Пусть лучше здесь стоят, у меня от аромата роз голова разболится.

– Какие мы нежные, – проворчала тетушка, но настаивать не стала.

Я увидела, как она рада цветам, и мысленно надавала себе оплеух. Что мне, трудно старушке букетик принести? А я ни разу этого не сделала.

После ужина я снова поднялась к себе и настрочила несколько новостей для «Криптаймса». Это не составило труда: биткойн – локомотив прогресса в блокчейн-индустрии – снова рос, и отрасль уверенно шагала в эру процветания.

Работала я до тех пор, пока у меня не зазвенело в ушах. Встревожиться по этому поводу я не успела: тетя открыла дверь прежде, чем я диагностировала у себя какую-нибудь типичную болезнь трудоголиков. Услышав внизу голоса, я сообразила, что к нам снова кто-то пожаловал.

Кто же?

Тетушка радостно охала, заглушая голос нежданного гостя. Я прислушалась, Волька, нагло спавший на моей кровати, сделал то же самое, пришел к какому-то выводу и резво ускакал на нижний этаж. Значит, это не Марфинька почтила нас ответным визитом.

– А кто это у нас такой красивый, шикарный, самый выдающийся кот современности? – донеслось снизу.

И мне сразу стало ясно – кто. В смысле, не выдающийся кот, тут у Вольки конкурентов нет, а кто к нам пожаловал.

– Максимова! Ты тут откуда, как и почему? – спросила я, осуществив свой фирменный скоростной спуск по перилам.

– И тебе привет, я тоже рада тебя видеть, – невозмутимо ответила моя лучшая подруга.

Тетушка и Волька посмотрели на меня одинаково строго, с немым, но явным укором.

Им Ирка очень нравится. Мне, впрочем, тоже. Я просто не люблю сюрпризных появлений, они мне все детство отравили.

Я росла в курортном местечке у теплого моря, и летом буквально дня не случалось, чтобы у нас в квартире не толпились какие-то родственники, друзья, знакомые, столетней давности приятели родителей. И все эти мамыны семиюродные кузины и папины соседи по комнате в студенческом общежитии прибывали внезапно, без приглашения и предупреждения. Зато с супругами, детьми и домашними животными.

– Мы договаривались, что она приедет, когда я позвоню! – объяснила я тете и коту. – А она взяла и прилетела, как сосулька на голову!

– Сосуля, – автоматически поправила тетя.

– Вот кто так поступает? – не успокаивалась я. – В наше-то время, когда у всех есть мобильники!

– А что ж ты не звонила, если у всех есть мобильники? –

упрекнула меня Ирка.

– Так не дают еще ключи! Рано было звонить!

– Лучше рано, чем никогда!

Ирка решительно подтащила свой чемодан к основанию лестницы и задрала голову, оценивая крутизну ступеней.

– «Я к вам пришла навеки поселиться»? – уважительно поглядев на ее объемистый баул, поинтересовалась я.

Начитанная тетушка хихикнула, узнав цитату из «Двенадцати стульев». Ирка же простодушно ответила:

– Ах, если бы! У меня всего две недели.

– На что? – Я слегка напряглась.

За две недели Ирина Иннокентьевна способна перевернуть мир. Особенно если у нее есть точка опоры в моем лице. Мы с Иркой в паре сокрушительны, как двойной торнадо, спросите хоть нашего друга полковника Лазарчука, которому вечно приходится разгребать обломки по завершении очередного стихийного бедствия.

– На тихий, мирный отдых в культурной столице, конечно! – Подружка округлила глаза, мол, на что же еще.

– А Моржик, а башибузуки? – Я напомнила ей о муже и детях.

– Они срочно улетели в Салоники – у Ваньки Петрова в экипаже внезапно места освободились, но только три, такая жалость! – Ирка вроде посетовала, но глаза ее сияли.

Ванька Петров – наш приятель, занимающийся организацией яхтенных круизов по Средиземноморью.

– То есть тебе на яхте места не хватило? – уточнила я.

– Увы! – Подруга расплылась в широченной улыбке. – Прямо не знаю, как я выдержу эти две недели – одна, совсем одна!

– Не переживай, Ирочка, мы тебя тут развлечем, обеспечим интересные каникулы, – пообещала добрая тетушка, приняв показные страдания за чистую монету. И тут же захлопотала: – Так, девочки и Волька, брысь отсюда, не путайтесь под ногами, через полчаса будем пить чай с шарлоткой!

Ирка потащила свой чемодан в мою светлицу, я ей помогала, кот мешал, но мы все-таки справились.

Наверху Ирка первым делом подошла к окну:

– Ух, красота какая!

Она окинула одобрительным взором нагромождение питерских крыш, залитых оранжевым светом прилипшего к горизонту солнца, широко потянулась и, застыв в гимнастической позиции «руки в стороны, ноги на ширине плеч», трубно, как пароход, загудела:

– Дремлет притихший северный город! Низкое не-ебо над голово-о-ой!

– Что тебе снится, крейсер «Аврора»? – надтреснутым колокольчиком донесся снизу высокий голос тети Иды.

И они дуэтом закончили:

– В час, когда солнце встает над Невой!

«Аврору» из наших окон не видно, хотя ее стоянка действительно недалеко, но до сих пор мы гимнов легендарно-

му крейсеру не пели. Я порадовалась, как благотворно появление Ирки сказалось на настроении тетушки, и с чувством воскликнула:

– Как хорошо, что ты приехала! Нам так не хватало...

– Меня? – Подруга кивнула, отошла от окна, бухнулась на кровать и похлопала ладонью рядом с собой, недвусмысленно предлагая мне присесть и все-все ей рассказать.

– Позитива, – договорила я.

– Позитив – мое второе имя, – не смутилась Ирка. – Так что у вас случилось, почему лица встревоженные, глаза настороженные? О, это же прекрасная рифма! Ритм только поправить немного: «Лица все встревоженные, глазки настороженные...»

– Ты погоди поэмы сочинять. – Я отогнала от поэтессы некстати явившуюся музу. – У нас тут происходит что-то странное.

Я рассказала ей про наших ограбленных – Марфиньку и Уоррена.

– Так и знала, что надо мне поторопиться, – посетовала Ирка, видимо сожалея о том, что не успела к началу детективной истории. – Ну ничего. Теперь мы со всем разберемся. Тянем-потянем – распутаем клубочек.

– За что тянуть будем? – спросила я деловито и ассоциативно посмотрела на Вольку с его роскошным хвостом.

Умный кот резким движением подобрал его под себя.

– Надо подумать. – Ирка прикрыла ладошкой зевок. – Се-

годня пораньше спать ляжем, ладно? Все равно утро вечера мудренее.

Глава третья

Я первой выскочила во двор, зажмурилась от мокрого ветра в лицо и обернулась к Ирке:

– Ох, дождь начинается!

– Спокойствие! – Подруга достала из своей сумки-самобранки зонт, открыла его и сошла с крыльца уже под прикрытием красного в белый горох «мухомора», походя втянув под него меня: – Подумаешь – дождь! Не метеоритный же.

Она, наверное, и к метеоритному готова. Ирка у нас такая – дивно предусмотрительная и запасливая. В ее торбе, как в закромах Родины, имеются стратегические запасы на любой случай.

– И вообще, мы сейчас где? В Питере, – рассуждала подруга, величественно выплывая со двора. – А он у нас что?

– Окно в Европу?

– Ой, да какое это теперь окно – так, форточка... И я не о том вообще. Питер у нас, как известно, город дождей. Ну и ничего, не отсыреем. К тому же под зонтом нас труднее заметить.

– Не под твоим, – возразила я. – Тут все с темными зонтиками ходят, вот они – согласна, прекрасная маскировка.

О маскировке речь зашла по причине того, что мы пошли не просто так погулять по городу дождей. Мы ступили на скользкий путь детективного расследования!

Утром, которое действительно оказалось мудренее вечера, Ирку осенило. За завтраком она вдруг застыла, не донеся до рта вилку, посидела немного, таращась в пустоту за моим плечом, перевела взгляд на наколотый кусочек сосиски и изрекла:

– Я знаю, что нужно сделать!

– Посолить? – Тетушка потянулась к набору специй в винтажных фарфоровых баночках.

– Э? Нет, с едой все в порядке, спасибо. Надо найти записи с камер наблюдения! – Ира победно посмотрела на меня.

Я отложила вилку и подперла щеку ладонью:

– С камер наблюдения за кем?

– За улицей, за прохожими! – Ирка тоже положила приборы. – Смотри, идея такая: эта ваша Марфинька, она же подверглась нападению у своего подъезда? Значит, грабитель шел за ней следом, так? И не по пустырям каким-нибудь, а по самому центру города, где наверняка есть камеры.

– И тысячи прохожих, – добавила я. – Как среди них узнать напавшего на Марфиньку? Или, ты думаешь, он крался за ней с самым зловещим видом, короткими перебежками, оглядываясь и на ходу разминая пальцы?

– Может, и крался, – не стушеввалась подруга. – А если и нет, то достаточно будет высмотреть на видео с разных камер одного и того же человека, упорно идущего вслед за старушкой. Скорее всего, он и будет грабителем!

– В этом есть логика, – высказалась тетушка.

– Пожалуй, – согласилась я, понимая, что двоих не переспорю.

– Тогда решено: сейчас подкрепимся как следует и пойдем искать видеокамеры вблизи дома Марфиньки! – заключила Ирка и вернулась к завтраку.

Рассеянно наблюдая, как подружка с аппетитом ест, я обдумывала ее идею. В ней был смысл: Марфинька к своему подъезду не дворами-огородами подбиралась, подошла либо справа, либо слева, но точно по улице. А там с одной стороны канал, с другой – сплошная стена домов, значит, грабитель действительно какое-то время шел следом за бабкой. Вот только не помнила я, чтобы там где-то были камеры... Хотя... Я ведь не обращала на них внимания.

И после завтрака мы с подругой, оставив тетушку на хозяйстве, отправились на необычную прогулку. До Невского доехали, не утруждая себя особым вниманием к архитектурным деталям, а уже по каналу Грибоедова шли, как команчи по следу, высматривая в извивах лепнины на стенах и среди чугунных завитков на фонарных столбах характерный блеск оптики.

Дойдя до дома Марфиньки, мы не стали останавливаться и прошли еще полквартала.

– Что-то нет ничего. – Ирка расстроилась.

– Погоди-ка. – Я остановила ее и поправила зонт над нами, чтобы лучше видеть здания на другой стороне узкой улицы – мы шли по тротуарчику вдоль канала. – Видишь ту витрину?

– Нашла время присматривать сувениры!

– Во-первых, это не сувенирная лавка, а антикварная, – поправила я. – Во-вторых, подними глаза и посмотри на правый верхний угол.

– Это лампа подсветки?

– Что ей там подсвечивать? Это камера! – Я пригнулась, вынырнув из-под зонта, перебежала улицу и решительно толкнула дверь антикварной лавки.

Мелодично звякнул колокольчик. Крепкий мужчина у входа – должно быть, охранник, – коротко глянул на меня, безразлично отвернулся и снова замер в сонном оцепенении. Я не обиделась, а даже порадовалась, что не вызываю интереса у стража. Оно мне надо?

Был у меня такой печальный опыт: как-то вывели меня с мужем и сыном из одного приличного банка с позором и чуть ли не в наручниках.

Я тогда работала в администрации края и заскочила в банк через дорогу за что-то заплатить. А сын и муж – на тот момент десяти и тридцати пяти лет соответственно – шли, как обычно, меня встречать и по дороге пленились роскошной бейсбольной битой в витрине игрушечного магазина. Купили ее, а упаковывать не стали – зачем, мол? Пусть все любят неземной красотой и завидуют!

Угадываете развитие сюжета?

...Инкассаторы подъехали минутой раньше. И когда, задорно помахивая приметной битой, в банк ворвался двух-

метровый мускулистый Колян, а за ним и Колюшка – с радостным криком «А вот и мы! Не опоздали?!», – все очень сильно напряглись...

Так что отсутствие внимания со стороны охраны – это, по моему, благо.

Я прошла в помещение, огляделась и вздрогнула при виде чучела рыси с красными пуговичными глазами и острыми клыками. Боже, какие странные вещи люди продают и покупают!

Кроме меня и охранника, живых душ в лавке было еще три: благообразный пожилой мужчина за прилавком, девушка с селфи-палкой и рюкзачком за спиной и молодой человек в подобии стеклянной будки, занимающем дальний угол.

Снова звякнул колокольчик – явилась еще одна очень живая душа.

Бесцеремонно продавив меня глубже в лавку, Ирка огляделась, задержала взгляд на стеклянной будке, внутри которой горела настольная лампа, и пробормотала:

– В той норе во мгле печальной гроб качается хрустальный... Милое местечко. Что тут вообще продают?

– Ну ты же видишь, – я повела рукой, – антиквариат, винтаж и разный хлам с претензией на звание старинных ценностей. Включая бижутерию и ювелирные изделия, которые тут же можно и починить, и заложить.

– О, у меня как раз английский замок на сережке заедает, надо бы...

– Не сейчас. – Я жестом остановила подругу и прошлась туда-сюда вдоль витрин, искоса посматривая на седовласого джентльмена, обслуживающего одинокую покупательницу.

Он тоже глянул на нас с подругой раз-другой, но, как и охранник, не проявил интереса. Должно быть, опытный торговец, сразу видит, кто за покупкой пришел, а кто просто так, поглазеть на финтифлюшки и дождик переждать.

Я немного подумала и вышла из лавки.

– Ты куда? – Ирка выскочила за мной. – А спросить насчет камеры?

– Кого? – Я зашагала по улице, объясняясь через плечо. – Охранник ничего нам не скажет, старикан тоже, он явно третий калач.

– Там еще мальчик есть!

– Да. – Я остановилась, и Ирка едва не налетела на меня. – Мальчик есть. Он не может не есть. – Я огляделась.

– Ты это к чему?

– Будешь кофе или чай? – спросила я. И, не дожидаясь ответа, шагнула к окошку крошечной кофейни с напитками навынос. – Добрый день, один маленький капучино, пожалуйста, и... – Я оглянулась на подругу.

– Один большой раф, – подсказала она.

Пока приятная девушка-бариста готовила наши напитки, мы помалкивали, а потом со стаканами в руках перебежали дорогу и устроились у парапета набережной. Я хлебнула кофе и продолжила незаконченную мысль:

– Судя по табличке на двери лавки, с часу до двух у тамошних тружеников перерыв. Мальчик наверняка пойдет обедать, тут-то мы и возьмем его тепленьким.

– В смысле? – Ирка поперхнулась кофе.

– В смысле, вопросы свои зададим! А ты что подумала? – Я посмотрела на озадаченное лицо подруги и объяснила: – Ясно же, что в присутствии старших пацан не разговорится, там атмосфера такая... – я пощелкала пальцами, подыскивая слово, – далеко не демократичная. Субординация, смирение, послушание, безропотное подчинение старейшине – все такое.

– И это ты поняла за две минуты? – восхитилась подруга.

– Ира, я пять лет отработала в средней школе и семь – в краевой администрации! – напомнила я. – Все эти структуры, где младшие бесправны и несвободны, сразу же узнаю!

– Верю. – Ирка посмотрела на наручные часы. – Сейчас половина первого. Ждем?

– Ждем, – подтвердила я и устроилась поудобнее.

Дождь закончился, ветер шустро вымел за горизонт клоунов туч, под ясным солнышком умытый город заблестел, за сверкал. По каналу один за другим шли низкие плоские катера, их пассажиры, переполняемые радостью и восторгом, махали нам, а мы – им.

– А хорошо тут, – сказала Ирка и подтолкнула меня локтем, – на родине твоих предков!

– Если учесть, сколько народу полегло в процессе строи-

тельства Санкт-Петербурга, тут у половины россиян найдется предок, – ответила я ворчливо, чтобы снизить пафос.

– Или потомок, – согласилась подруга. – Из нашего Краснодара детишки на учебу почему-то чаще в Питер уезжают, чем в Москву. Надо, наверное, и нам с Моржиком задуматься о квартире тут, башибузуки-то растут...

– Уже во второй класс пошли, – поддакнула я ехидно. – Пора, пора подумать о высшем образовании!

– А что ты думаешь? Не успеем оглянуться...

Тут она как раз оглянулась и сбилась:

– О, а это не он? Наш мальчонка из лавки?

Я присмотрелась и подтвердила, хоть и без уверенности:

– Вроде он...

В своем хрустальном гробу парнишка помещался в синем холщовом халате и черных саржевых нарукавниках. Сняв то и другое, он мог бы стать неузнаваемым, но я запомнила буйные кудри насыщенного каштанового цвета.

– В одной рубашке, хоть бы курточку надел! Куда только родители смотрят, – посетовала Ирка, не успевшая выйти из образа заботливой матери.

– Вот дорастут твои башибузуки до 18+ – узнаешь, легко ли заставить юного бунтаря одеться к месту и по погоде, – хмыкнула я и встала с парапета. – Идем, пока не потеряли парня из виду.

Народу на улице было много – самый центр, высокий туристический сезон, – но классическая белая рубашка выде-

лялась из массы практичных нарядов типа джинсы-толстовка, как лебедушка среди утиц. Не теряя белое пятно из виду, мы вслед за молодым человеком дошли до одной из сетевых булочных.

– Я тоже люблю эти заведения, там недорого и большой выбор сладкого, – призналась я Ирке.

– Булочки, тортики, все такое? – Подруга нахмурилась и пытливо ущипнула себя за бочок, но потом махнула рукой: – Э-эх! Чего только ради расследования не сделаешь! Пойдем и мы есть вредное вкусное!

Мы вошли в небольшое кафе при пекарне. Наш мальчик уже сидел за столиком в уголке с курящимся паром картонным стаканом и сразу тремя тарелочками с выпечкой.

– Он не только одеваться, но и питаться правильно не умеет, – вскользь посетовала Ирка и солнечно улыбнулась продавщице: – Мне все то же, что вот тому юноше!

Я тихо фыркнула.

– Это психологический ход, – строго нашептала мне Ирка. – Я читала, чтобы расположить человека к себе, надо его копировать. Сидеть, как он, смотреть, как он...

– Толстеть, как он! – подхватила я, хотя худому угловатому парню вообще-то можно есть да есть, и демонстративно заказала себе одно ма-аленькое пирожное с вишневым желе – наименее калорийное.

– Никакой самоотверженности, – недовольно прокомментировала мой выбор подруга и направилась со своим нагру-

женным подносом в угол к мальчику.

Я не слышала, что она ему сказала – задержалась, расплачиваясь и получая свой заказ, – подошла, когда Ирка уже устроилась за одним столом с юношей. Причем она очень грамотно взяла его в осаду: парню было никак не вырваться из окружения, не перевернув стол.

– Добрый день! – Я приветливо улыбнулась юноше, явно напуганному нашей экспансией. – Приятного аппетита.

– Еще про хорошую погоду скажи, – уела меня Ирка, уже забывшая, что собиралась действовать по всем канонам популярной психологии. – Давайте обойдемся без прелюдий, чего тянуть, приступим сразу к делу.

Юноша побледнел. На длинном носу и острых скулах отчетливо проступили веснушки.

– К к-какому делу? – робко заикнулся он.

– К уголовному! – веско ответила Ирка и зловеще хрустнула укушенной слойкой.

Мне показалось, что паренек на грани обморока, и я поспешила вмешаться:

– Не будем преувеличивать, уголовное дело не завели...

– Пока! – многозначительно добавила Ирка.

Я поняла, что она решила играть в хорошего и плохого полицейского. Начитается всякой дряни из серии «Популярная психология для домохозяек» – и пугает честной народ выкрутасами.

– Простите, как вас зовут? – спросила я бледнолицего

юношу.

– Бо-боря...

– Очень приятно, Боборя, я Ирина, а это Елена, – опять влезла Ирка – не просто плохой полицейский, но еще и неуклюжий, как слон.

– Вы не пугайтесь, Боря. – Я выделила имя, чтобы подружка его запомнила. – Ничего страшного не происходит. Нам просто нужны...

– Ваши свидетельские показания! – рявкнула моя подруженька голосом Терминатора-Шварценеггера, которому нужны были ботинки, одежда и мотоцикл.

– Понимаете, на одну нашу хорошую знакомую, очень милую пожилую даму, вблизи ее дома напал грабитель, а ваша лавка находится неподалеку, и вы могли...

Я не успела закончить – мальчик все-таки сомлел!

Хорошо, что он сидел в уголочке и не сполз на пол, а только к стеночке привалился.

– Блин, Максимова, ты инквизитор какой-то! – возмутилась я, удерживая обмякшего парня в сидячем положении.

– Да ладно, кто знал, что он нежный такой. – Смущенная Ирка сунула юноше под нос вонючий пузырек с нашатырем.

Говорю же, у нее в сумке есть средства на все случаи жизни.

Юноша слабо завозился.

– Что он пьет? – Я заглянула в стакан. – Зеленый чай, это слишком слабенько...

– Ну не коньяком же поить малолетнего! – возмутилась подруга. – Хотя...

– А у тебя есть коньяк?

– Спрашиваешь!

– Мне в кофе накапай, пожалуйста. А пацану возьми двойной эспрессо...

– Лучше горячий бульон с сухариками и котлету. – У Ирины Иннокентьевны свои рецепты бодрящих средств.

Она убежала делать новый заказ, оставив нас с Борей вдвоем, и, пользуясь случаем, я поспешила успокоить нежного юношу:

– Мы просто хотим узнать, не видели ли вы, как наша знакомая дама...

– Какая дама? – Боря взял себя в руки.

– Вот эта! – Я выхватила из кармана смартфон и открыла фотоальбом. – Ой, нет, это наш котик в праздничном убранстве... А это мое селфи... Вот, сюда посмотрите! – Я нашла фото Марфиньки с тетушкой.

На снимке нарядные улыбающиеся старушки позировали, взявшись за ручки, на фоне цветущего жасминового куста. Прекрасная фотография, я сама ее сделала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.